

ИТОГИ СЕССИИ ВАСХНИЛ И СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

(Отчет о заседании Сектора антропологии Института этнографии)

Состоявшееся 1 октября 1948 г. заседание Сектора антропологии Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР было посвящено обсуждению итогов августовской сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук имени Ленина. Открывая заседание, заместитель директора Института М. Г. Левин и отметил огромное значение доклада акад. Т. Д. Лысенко, а также развернувшихся по этому докладу прений, не только для биологии, но и для всех областей советской науки. Итоги сессии привлекают внимание специалистов различных отраслей знания к идеологической борьбе, которая в наши дни, как никогда, остро разгорелась между империалистическим лагерем международных разбойников, с одной стороны, и лагерем всех прогрессивных сил человечества во главе со страной строящегося коммунизма — СССР, — с другой. Для антропологов вопросы, поставленные на сессии, имеют тем большее значение, что, разрабатывая и чисто биологические проблемы, и исторические по своему содержанию проблемы этногенеза, они всегда оперируют биологическими фактами, вторгаясь в самую сложную область биологической науки — биологию человека. На сегодняшнем заседании, подчеркнул М. Г. Левин, мы должны подвергнуть принципиальному критическому разбору работы советских антропологов, проследить пути, по которым шло развитие нашей антропологической науки, вскрыть те ошибки, которые имеются в этой науке и которые происходят в значительной мере от того, что многие антропологи некритически восприняли положения порочной менделевско-моргановской формальной генетики. Большевицкая критика и самокритика, невзирая на лица, — вот что должно явиться орудием в преодолении наших серьезных ошибок и в нашем переходе на правильный путь.

Т. А. Трофимова (Институт этнографии, Москва) зачитала подготовленную ею совместно с М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым статью «Мичуринское направление в биологии и советская антропология», предназначенную для журнала «Советская этнография» (см. № 4 за 1948 г.). Докладчик подчеркнул значение прошедшей сессии для борьбы с идеалистическим «учением» Вейсмана — Моргана и для развития передового мичуринского направления в биологии, основанного на материалистическом понимании эволюции растений и животных в зависимости от условий их существования и тесно связанного с нуждами социалистического строительства в нашей стране. Помимо биологов и работников сельскохозяйственных наук в работе по теоретическому обобщению достижений мичуринского направления в биологии и в критике реакционного вейсманизма должны принять участие и работники других специальностей, в том числе антропологи, занимающиеся изучением истории природы человека. Советские антропологи, ведя активную борьбу с реакционными идеалистическими концепциями, ставили и разрабатывали вопросы происхождения человека на основе учения Энгельса о роли труда в процессе антропогенеза. Однако не все стороны этого процесса были освещены в одинаковой мере. Теория случайных мутаций, не отражающих условий внешней среды и только подхватываемых естественным отбором, фактически безраздельно принималась в огромном большинстве работ по антропогенезу. Роль внешней среды трактовалась обычно как фактор, определяющий только направленность отбора, а не характер подпадающих под действие отбора признаков. На многих статьях, посвященных происхождению человека, сказалось влияние формальной генетики. В свете мичуринского направления в биологии перед советскими антропологами встает в качестве важнейшей задачи разработка вопросов, связанных с влиянием условий жизни на формирование физического типа человека, на изменение его наследственной природы. Для разработки вопросов расоведения основные положения мичуринского учения имеют не меньшее значение. В наши дни острой идеологической борьбы во всех отраслях знания разработка вопросов этнической антропологии приобретает большую политическую актуальность, так как каждое исследование в этой области для советского ученого связано с необходимостью беспощадно разоблачать столь характерные для буржуазной науки метафизические представления о человеческих расах и лженаучные, человеконенавистнические расовые «теории». Советская этническая антропология прошла сложный путь, не свободный от ошибок и заблуждений, среди которых в свое время (особенно в 1920—1929 гг.) большую роль сыграли связанные с вейсманизмом-морганизмом евгенические «идейки», глубоко реакционные и идеалистические по самой своей сущности. Значительную дань этим «идейкам» отдал проф. В. В. Бунак, редактировавший в те годы «Русский антропологический журнал» и принимавший активное участие в издании «Русского евгенического журнала» — органа воинствующих доморожденных вейсманитов. Расистские и евгенические тенденции в антропологических работах еще в 30-х годах нашего века были подвергнуты суровой и справедливой критике со стороны передовых советских ученых. Статьи, посвященные борьбе с расизмом и евгеникой, в 1932—1937 гг. печатались преимущественно на страницах «Антропологического журнала». Большую роль в разоблачении расистской лженауки сыграла также экспозиционная и просветительная работа Музея антропологии под руководством М. С. Плисецкого. Однако тлетворное влияние менделизма-морганизма ослабляло позиции советских антропологов в этой острой борьбе и не давало им возможности полностью освободиться от вредного груза буржуазных концепций.

В области этнической антропологии особенно пагубным оказалось влияние формалистического «учения» о так называемых «генетико-автоматических процессах», под воздействием которых в изолированных популяциях будто бы происходят направленные, но не зависящие от условий жизни, эпохальные изменения наследственных признаков. В применении к человеку «учение» это в СССР разрабатывалось М. В. Игнатьевым. Некритически и даже сочувственно оно изложено и в учебнике антропологии, вышедшем в свет в 1941 г. (в разделе, написанном Я. Я. Рогинским). С позиций формальной генетики подходили некоторые советские антропологи (В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх) также к вопросу о расогонической роли метисации. Ряд существенных ошибок формально-генетического характера был допущен и в конкретных антропологических работах, посвященных проблемам этногенеза (Г. Ф. Дебеч, Я. Я. Рогинский, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров и др.).

Особого внимания заслуживают, естественно, новейшие антропологические работы, напечатанные в 1946—1948 гг. в изданиях Института этнографии АН СССР. В целом они отражают исторический подход к вопросам антропогенеза и расоведения, но в отдельных случаях оказались несвободными от формально-генетических ошибок. Так, например, М. Г. Левин в работе о пигмейской проблеме подверг острой критике реакционные «теории» В. Шмидта и других зарубежных авторов, но в вопросе происхождения карликовых групп человечества встал на формально-генетические позиции. Статья Я. Я. Рогинского о группах крови направлена против расистских представлений об исконных и древних различиях рас. Однако методологически статья эта порочна тем, что связывает явления изоляции с понятиями и терминами формальной генетики. В одних работах формально-генетические объяснения давались открыто, в других они подразумевались. И не случайно в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, посвященной итогам работы советских антропологов за 30 лет («Советская этнография», 1947, № 4), не только отсутствует критика вейсманистско-морганистских заблуждений в антропологических трудах, но дана положительная оценка статьям М. В. Игнатьева о генетико-автоматических процессах.

В заключение Т. А. Трофимова наметила те положительные задачи, которые встают перед советскими антропологами на новом этапе развития материалистической, мичуринской биологической науки. Сюда относится разработка вопросов антропогенеза в свете положений Энгельса о роли труда, изучение механизма расовой изменчивости в связи с условиями жизни, проблема расовых классификаций, разоблачение вейсманистско-морганистских и расистских «теорий» в зарубежной антропологии. Нет сомнения, что обогащенная достижениями мичуринского направления в биологии советская антропология сможет еще в большей степени, чем до сих пор, выступить в содружестве с этнографией, археологией, лингвистикой, историей в разработке актуальных проблем становления человека и происхождения отдельных народов.

После доклада Т. А. Трофимовой на заседании Сектора антропологии разгорелась оживленная дискуссия, в которой приняли участие многие антропологи Москвы и Ленинграда. Первым в прениях выступил Я. Я. Рогинский (Московский орден Ленина гос. университет), отметивший, что в докладе правильно вскрыты допущенные им ошибки формально-генетического характера. «В учебнике антропологии,— сказал проф. Рогинский,— я писал о генетико-автоматических процессах в разделе, посвященном факторам расообразования, в частности, изоляции. Роль изоляции в эволюции и дивергенции признаков, как известно, не отрицал и Дарвин, не отрицал этого и целый ряд других исследователей. В самом признании расообразующего значения изоляции, мне думается, нет ничего ошибочного. Но очень серьезная ошибка моя состоит в том, что явления изоляции я изложил в терминах формальной генетики, используя также ее понятия. Во всем этом не было никакой необходимости. Важно было отметить, что в процессе изоляции могут иметь значение также небольшие различия внешней среды в отдельных изолированных зонах, которые должны играть определенную роль в дивергенции признаков. О таком влиянии внешней среды у меня почти ничего не сказано, если не считать небольшой оговорки относительно бушменов и эскимосов. Подобные же ошибки сделаны мной и в работе о группах крови. Мне думается, что в целом моя позиция была более правильной, чем позиция американца Гэтса, но и здесь я использовал термины формальной генетики, тогда как можно было говорить о роли изоляции, не прибегая к этим скомпрометированным понятиям. Мне может быть также брошен справедливый упрек в том, что, говоря о роли случайности, я не пояснил, что же, в сущности, я под этим понимаю. Я вполне согласен с Т. Д. Лысенко, что оперировать в науке термином «случайный» в смысле «непознаваемый» недопустимо. Я понимал «случайность» в появлении какого-либо признака как его относительную независимость от других признаков или явлений (например, независимость расовых особенностей человека от его культурных особенностей). Наконец, в числе моих научных ошибок надо отметить, что моя критика книги проф. Давиденкова «Эволюционно-генетические проблемы в неврпатологии» была недостаточно резкой и принципиальной. Естественно, что сейчас моя мысль направлена на то, чтобы исправить допущенные ошибки и повести дальнейшую работу в области расоведения по новому пути, используя достижения передового учения в биологии в той мере, в какой они применимы к человеку — существу «социальному».

М. В. Игнатьев (Московский гос. университет, Институт антропологии) также подчеркнул, что он считает правильной критику формально-генетических ошибок в антропологии, данную докладчиком. «В оценке роли изоляции,— сказал он,— я вполне

согласен с Я. Я. Рогинским. В моей работе «Статистические константы в изолированной популяции», опубликованной в «Антропологическом журнале» (№ 3 за 1937 г.), я исходил из положений формальной генетики, относясь к ним некритически. И, конечно, если основные, исходные положения оказались неправильными, то я должен только пожалеть о том большом труде, который был мною затрачен и оказался бесплодным».

М. С. Плисецкий (директор Музея антропологии Московского гос. университета) заявил: «Я с большим вниманием прослушал сообщение о подготовленной статье, но она меня далеко не удовлетворила. В ней нет отражения той остроты, с какой ставит наша партия вопрос о критике формальной генетики. Как и большинству советских антропологов, мне приходится испытывать чувство стыда за то, что мы, постоянно обращаясь к диалектическому и историческому материализму, к учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, не смогли отличить идеализм от материализма. Нынешнее разоблачение формальных генетиков, вейсманистов-морганистов не представляет собой какого-то исключительного, из ряда вон выходящего этапа в жизни нашей страны. Не впервые партии приходится разоблачать идеализм в науке, в частности, в биологии. Вспомним философские дискуссии, которые в значительной степени касались биологии. Вспомним критику евгенических извращений. Когда Серебровский выступил со своей нелепой «теорией» о социалистической евгенике, многим казалось, что его построения просто смехотворны, но дальнейшие события показали, что это далеко не так. В первые годы советской власти, как и в наши дни, буржуазия не брезговала никакой клеветой, чтобы очернить молодую советскую страну. Вспомним, что тогда писали за границей об «общности жен» у большевиков, о «национализации женщин» в СССР и т. д. А вот Серебровский и иже с ним в советской печати писали такие вещи, до которых не договаривался ни один буржуазный евгенист. В СССР евгенике, конечно, «не повезло», как выражался и сам Серебровский. Однако то, что не было признано в социалистической стране, нашло полное признание и практическое осуществление в фашистской Германии, где евгеника была превращена в орудие террора против всех «инакомыслящих» и в первую очередь против коммунистов. Евгенические увлечения части наших ученых — это не просто частные ошибки, это порочные, лженаучные домыслы, которые причинили советской стране очень много зла. Вспомним также, что в 1936 г. последовало специальное постановление ЦК партии о педологии, в котором указывалось, что педология имеет своей целью доказать особую одаренность эксплуататорских классов и «высших рас», с одной стороны, и физическую и духовную обреченность трудящихся классов и «низших рас», — с другой. Это постановление Центрального Комитета также было разоблачением вейсманизма-морганизма, который учит, что наследственная основа расовых различий неизменна. К сожалению, многие биологи и антропологи некритически относились ко всем этим, заведомо реакционным теориям, которые создавались в Западной Европе и Америке с целью увековечить капитализм. Мы боимся иногда выступать с острой критикой даже тогда, когда сами понимаем ее необходимость. Проф. М. А. Гремяцкий, например, выступая 13 сентября 1948 г. с докладом о работе Института и Кафедры антропологии Московского университета, не дал развернутой критики весьма серьезных формально-генетических заблуждений значительной части советских антропологов, не остановился на работах по антропогенетике, отметив только, что работы эти в настоящее время не ведутся, так как мы осознали их бесплодность. Хотя проф. Гремяцкий сам весьма далек от формально-генетической мистики, тем не менее его заявление неверно. Не нужно отказываться от антропогенетики; напротив, необходимо ею заниматься. Весь вопрос в том, как заниматься, как понимать наследственность человека. А понимаем мы эту наследственность часто извращенно, неправильно. Мы ограничиваемся цитатами из работ Энгельса, а за серьезную разработку проблем наследственности у человека не беремся. До сих пор в план Института антропологии Московского университета не включена тема о роли труда в процессе формирования всех характерных биологических особенностей человека (а не только руки). Еще в конце 1947 г. я предлагал руководству Института антропологии взяться за эту проблему, но до сих пор в этом направлении ничего не сделано.

Очень приятно слышать, когда те или иные товарищи, ошибавшиеся прежде, заверяют теперь, что они переходят на новые позиции, и обещают исправить свои ошибки. Но одних деклараций мало: надо, чтобы вся научная деятельность этих товарищей (я не исключаю из них и себя) была направлена к тому, чтобы полностью освободить советскую антропологию от идеалистических рудиментов.

М. Ф. Нестурх (Московский гос. университет, Институт и Музей антропологии) остановился, главным образом, на вопросах, связанных с формально-генетическими и другими ошибками в области антропогенеза. Несмотря на большое число работ советских ученых, посвященных этой важнейшей антропологической проблеме, она до настоящего времени полностью не разработана. «Надо признаться», — сказал М. Ф. Нестурх, — что мы далеко еще не достаточно осознали и учитывали великое наследие основоположников марксизма. Можно назвать немало критически статей, разоблачающих отдельные реакционные теории антропогенеза (Осборна, Монтандона, Вейденрейха и др.), но и здесь работа не доведена до конца. Не подвергнута критике, например, реакционные концепции Брума, который под эгидой холизма

Смэтса проповедует тот же автогенез. Очень своевременно было бы заняться сейчас и доместикационной теорией Е. Фишера, одного из «вождей» фашистской евгеники. Нельзя сказать, что взгляды вейсманистов-морганистов были свойственны всему коллективу советских антропологов. Многие товарищи занимали в вопросе о роли условий жизни для развития организмов позиции или неопределенные (что само по себе плохо), или благоприятные по отношению к мичуринской биологии. Но все же представления и термины формальной генетики проникали в наши работы в области антропогенеза. Себя я тоже могу упрекнуть за применение генетической терминологии, за положительное упоминание генетиков в своих работах. И у меня можно найти реверансы в сторону вейсманистов-морганистов, хотя я и не выступал никогда в роли проповедника и защитника этого реакционного «учения» в целом. В написанном мною разделе учебника антропологии, во всяком случае, я допускаю передачу по наследству приобретенных признаков в процессе становления человека. Но активной борьбы с вейсманизмом-морганизмом я не вел, о наследовании приобретенных признаков говорил робко. Постараюсь в дальнейшем перестроить свою работу, учесть и творчески применить к вопросам антропогенеза основные положения мичуринского направления в биологии.

Необходимо подчеркнуть, что одной из самых актуальных задач, стоящих перед советскими антропологами, является борьба с религией и с идеалистическими концепциями происхождения человека, которые в конце концов оказываются связанными с той же религией. Почти никто из зарубежных ученых в настоящее время не отрицает открытой эволюции. Метафизика в прямом смысле слова слишком уж скомпрометирована. Но зато пышно расцветают различные автогенетические «теории», в основе которых неизменно лежит идея творения путем эволюции, путем постепенного развертывания прогрессивного начала по заранее предначертанному плану. С подобными идеалистическими построениями, неизбежно перерастающими в самое откровенное мракобесие, советские ученые, антропологи в первую очередь, должны вести непримиримую, принципиальную борьбу. Антропологи не могут ограничивать круг своей научной деятельности только изучением истории формирования телесных особенностей человека, его анатомических и физиологических особенностей. Необходимо обратить самое серьезное внимание и на развитие, в процессе антропогенеза, человеческой психики, человеческого сознания, на происхождение речи. Ибо как можно судить о влиянии социальных факторов на природу самого человека, если не учитывать глубоких изменений в его психике? Ясно, что даже условные рефлексы, передающиеся по наследству, приобретаются и исчезают в связи с изменением условий существования». В конце своего выступления М. Ф. Нестурх остановился на задачах борьбы с расизмом в области учения о происхождении человека. Борьба эта должна вестись по-новому, по-боевому. В таком плане автор и старается построить свою книгу «Человеческие расы», в настоящее время подготовляемую к печати.

Проф. В. В. Бунак (Институт этнографии АН СССР, Москва) заявил: «Доклад Т. А. Трофимовой мне кажется своевременным и правильным в целом и в той части, где она подвергает критике некоторые мои работы. В 1922—1925 гг. мною было опубликовано на страницах «Евгенического журнала» несколько рефератов по вопросам генетики, социал-дарвинизма, расовой психологии. Я намечал задачи и программы научных исследований в этой области и, не считая положительное решение затронутых вопросов доказанным, частично принимал его. В основе такого понимания «антропосоциологии» лежали две теоретические ошибки: во-первых, рассматривая отдельные признаки слишком суммарно, вопреки мною же выдвинутому требованию «типологического анализа», я пришел к преувеличенной оценке роли наследственного фактора в формировании многих психологических свойств и недоучету значения условий социальной среды; во-вторых, не присоединяясь к концепции Вейсмана («Евгенический журнал», 1923 г., стр. 249), я все же некритически воспринял господствовавшее в то время учение об исключительной роли естественного отбора в дифференциации типов. Дальнейшее изучение вопроса привело меня к иному решению проблемы. Допуская некоторую роль отбора в процессах акклиматизации и смешения человеческих групп, я уже в 1927 г. пришел к отрицанию значения селекции в формировании краниологических особенностей (исследования черепов армян), в эпохальных изменениях отдельных признаков (работы 1930—1932 гг.) и в дифференциации антропологических типов в целом (1938 г.). Одновременно происходил и пересмотр основ евгенической теории в свете учения исторического материализма, в результате чего уже в 1928 г., задолго до ликвидации Евгенического Общества, у меня созрело убеждение в несовместимости зарубежной евгеники с принципами социалистического строительства и мое сотрудничество в разработке евгенических вопросов прекратилось.

В настоящее время я не могу не высказать сожаления, что разработка теоретических вопросов антропологии, отчасти в связи с перегруженностью конкретными исследованиями в основной области моей работы — морфологии, практической антропометрии, этнической антропологии, — велась мною недостаточно интенсивно. В 1922—1925 гг. я не учел, что в свете грандиозных социальных сдвигов нашей эпохи, тогда уже намечавшихся, разработка евгенических вопросов в лучшем случае оставалась бесплодным крохоборством, а по существу оказывалась объективно вредной, поскольку евгенические теории использовались реакционной буржуазией в попытках создать видимость научного обоснования для своей политической доктрины, а впоследствии ста-

ли знаменем человеконенавистнического фашизма. Не могу также не пожалеть, что развернутая критика расизма, данная мною в статье 1942 г. «Последние этапы деградации расовой теории», осталась неопубликованной; критический разбор селекционной гипотезы в антропологии дан мною в статье «Проблема естественного отбора в антропологии» (статья представлена в Сектор антропологии). Просматривая в последнее время свои работы по изучению наследственности у человека, я с сожалением должен констатировать, что мнение об относительном значении анализа расщепления признаков в потомстве, высказанное мною в 1925 и 1936 гг., не получило законченной формулировки и что мною было потрачено много малопродуктивных усилий для согласования имеющихся фактов с принципами теории расщепления. Применяв одним из первых принцип внутрigrуппового скрещивания для объяснения эпохальной изменчивости признаков, я широко использовал менделевскую терминологию, дав тем самым повод причислить меня к активным защитникам корпускулярной теории наследственности, которая и мною воспринималась с большими оговорками (работа 1926 г.). Все эти ошибки и неясности в дальнейшем должны быть устранены. Очередная задача — углубленная разработка узловых вопросов теоретической антропологии, разумеется, на базе солидного фактического материала. Из числа первоочередных проблем можно назвать: изучение наследственности одних и тех же признаков в разных условиях среды, более тщательное исследование условий среды в обычных антропологических характеристиках, изучение закономерностей роста и взаимосвязи отдельных признаков и др. На этом пути и лежит разрешение исключительно сложной и ответственной задачи, падающей на небольшую группу специалистов, — задачи построения советской антропологической науки.

В. В. Гинзбург (Институт этнографии АН СССР и Военно-медицинская Академия, Ленинград) указал, что в процессе участия ленинградских антропологов в дискуссиях анатомов, физиологов и медиков выявились положения, в значительной степени сходные с теми, которые были сформулированы в докладе Т. А. Трофимовой. Но прав М. С. Плисецкий в том, что зачитанная сегодня статья написана недостаточно остро, аполитично. Очень часто вследствие аполитичности мы недосматриваем многие серьезные ошибки и промахи, недоучитываем значение неправильных или устарелых формулировок. Таких ошибок и нешерпимых формулировок немало в анатомических учебниках, которыми продолжают пользоваться и в наши дни. В учебнике Раубера, например, вопрос о происхождении человека трактуется чисто идеалистически, можно сказать, — излагается с религиозной точки зрения. Даже такой осторожный человек, как В. И. Тонков, в своем учебнике по анатомии отдал дань хромосомной теории наследственности. То же сделал и покойный проф. Лысенков. В учебнике Заварзина хромосомам и генам посвящено целых три главы. Часто бывает, что формально-генетические положения просто некритически списываются у предыдущих авторов. И мимо всего этого мы проходили совершенно спокойно, пошли бы и теперь, если бы не было доклада акад. Т. Д. Лысенко и дискуссии на сессии ВАСХНИЛ. Конечно, эти печальные факты — выражение не только нашей беспечности, но и нашей еще не изжитой до конца аполитичности. «Очень часто антропологи, в том числе и я, — продолжал В. В. Гинзбург, — употребляли в своих работах формально-генетические термины, хотя в этом не было никакой необходимости. Вместо того, например, чтобы сказать просто и понятно — «частота признака», говорили «концентрация генов». Несомненно очень вреден объективизм, о котором говорил уже здесь М. С. Плисецкий. Объективизм естественно связывается с преклонением перед авторитетами буржуазной науки — и зарубежными, и нашими, доморощенными. Ложный, но долгое время бывший очень прочным, авторитет акад. И. И. Шмальгаузена — хороший пример такого преклонения. Нельзя сказать, что мы не знали работ И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко: об этих работах ведь мною писали и говорили, их обсуждали на различных сессиях и дискуссиях. Но антропологи, к сожалению, считали, что эти обсуждения их непосредственно не касаются, сами же продолжали работать по-старинке, используя и понятия и термины формальной генетики. При изучении групп крови, например, считалось «обязательным» писать о распределении генов по Бернштейну. Очень многие антропологи (и я в их числе) пытались некритически соединить в своих работах по существу не соединимые взгляды, как, например, учение Энгельса о роли труда в процессе становления человека и органистские представления о невозможности наследования приобретенных признаков. Получался, конечно, вреднейший эклектизм. Чтобы изжить его, недостаточно только говорить здесь о своих прежних ошибках, необходимо вскрыть их в печати. В качестве примера исправления прошлых ошибок в процессе последовательных переизданий одной книги можно привести «Типовую анатомию» Шевкуненко, из которой лишь очень постепенно исчезло расистское, по существу, «учение» о совершенных и несовершенных анатомических типах человека. Перед советскими антропологами стоит непосредственная задача разработки практических тем, связанных с изучением физического развития и конституции человеческого организма. Одной из самых нестложных задач является также написание нового учебника по антропологии.

В. П. Якимов (Институт этнографии АН СССР, Ленинград) остановился на достоинствах и недостатках статьи, зачитанной Т. А. Трофимовой. Статья эта является в известной степени установочной для всех антропологов СССР. Понятно, что к ней должны быть предъявлены очень высокие требования. Надо сказать прямо:

некритическое принятие теории генетико-автоматических процессов в значительной степени объясняется политической близорукостью антропологов, не сумевших во время разглядеть реакционной сущности этой «теории». Известную ответственность за формально-генетические ошибки советских антропологов несет и редакция «Антропологического журнала», возглавлявшаяся М. С. Плисецким. Ведь формально-генетические работы В. В. Бунака, М. В. Волоцкого, М. В. Игнатъева и других печатались именно в «Антропологическом журнале» и в большинстве случаев не сопровождались никакими редакционными примечаниями.

Многие советские антропологи, особенно работающие над проблемами этногенеза, некритически воспринимали взятые в готовом виде гипотезы генетиков. Отсюда вытекал эклектизм, который мы наблюдаем хотя бы в работе Г. Ф. Дебеца «Брюнн-Пшедмост, Кро-маньон и современные расы Европы», где принимается по существу автогенетическая гипотеза «нашего преформизма» Б. М. Завадовского. Говоря о процессах грацилизации черепа, Г. Ф. Дебеч не дает никакого объяснения причин, вызвавших эти процессы. Такой «агностицизм» открывает возможности для различных ортогенетических построений типа концепции Ф. Вейденрейха, который также пишет в своих работах о грацилизации. Полностью прав В. В. Гинзбург, когда он призывает к возобновлению и расширению антропологических работ практического характера. Такие работы, и военного, и промышленного, и физкультурного значения, в свое время проделывались, но сейчас почему-то оставлены. Нельзя забывать, что всякая наука, в том числе и антропологическая, вне связи с задачами социалистического строительства становится мертвой, бесплодной. Особое внимание должно быть, конечно, обращено на борьбу с расовыми теориями. В качестве фактического материала для обоснования этой борьбы и для решения целого ряда теоретических проблем расоведения целесообразно привлечь конкретные данные, которыми в большом количестве располагают анатомы периферии и которые в настоящее время почти не используются антропологами. Надо наладить живую связь московских и ленинградских антропологов с работниками с мест.

Н. Н. Чебоксаров (Институт этнографии АН СССР, Москва) заявил, что, по его мнению, критические замечания по поводу зачитанной статьи в большинстве случаев были правильными и справедливыми. Прав М. С. Плисецкий, говоря, что в статье мало остановились на показе того, куда ведут на практике на первый взгляд чисто «теоретические» рассуждения о генной обусловленности расовых и других признаков человека, о неизменной зародышевой плазме и т. д. Хорошо известно, что тесно связанные с формальной генетикой расовые теории и евгеника стали официальной идеологией германского фашизма и были использованы для «оправдания» империалистической агрессии, второй мировой войны и неслыханных зверств, творившихся гитлеровскими представителями «высшей арийской расы». Необходимо уделить место разоблачению «расовых теорий» в истории и этнографии, теорий, биологизирующих развитие человеческого общества и человеческой культуры, отрывающих их от условий материальной жизни, от способа производства. Следует указать, что все эти биологизаторские концепции в конце концов родственны вейсманизму, который также отрывает развитие организмов от условий их существования. Здесь очень уместно вспомнить одного из идеологов германского империализма конца XIX — начала XX в., Лео Фробениуса, с его имманентно развивающимися «культурными организациями». От Фробениуса перекидывается мост к фельдмаршалу Сметсу — «творцу» пресловутого холизма, оправдывающего расовую дискриминацию негров и индусов в Южно-Африканском Союзе. Нельзя пройти мимо других, не менее ярких примеров применения расовых теорий на практике, особенно мимо дискриминации негров и судов Линча в США. Надо показать, что только в Советском Союзе полностью осуществлено расовое и национальное равноправие, что только представители СССР и стран народной демократии ведут в Организации Объединенных Наций последовательную и непримиримую борьбу с геноцидом и расовой дискриминацией.

Наш огонь по расовым теориям не должен ослабевать ни на один час, он должен быть метким и действенным, должен бить по главной цели. А этой главной целью в наши дни является для советских антропологов англо-американский расизм. Для критики и разоблачения его сделано еще недостаточно мало. Мы должны показать реакционную направленность не только открыто расистских погромных произведений вроде книги сенатора Билбо «Выбирайте между разделением и смешением рас» (1947), но и внешне объективистских, «академических» трудов типа монографии К. Куна «Расы Европы», в действительности наполненных махровыми расистскими построениями. Наряду с этнографами антропологи должны также принять самое активное участие в критике американской «психологической» школы, многие положения которой перекликаются с расизмом, с холизмом Сметса, с биологизаторскими «теориями» Фробениуса. Изучая сейчас труды акад. Т. Д. Лысенко, мы видим, насколько богаты они по своему содержанию, насколько важны для понимания закономерностей развития всех живых организмов, не исключая и человека. Эти работы печатались в советских изданиях на протяжении по крайней мере 13 лет (с 1935 г.), однако их значение для антропологии не было по достоинству оценено, потому что большинство антропологов или открыто стояло на позициях вейсманизма-морганизма или считало, что труды Лысенко слишком далеки от антропологии, что они не касаются проблем, связанных с историей природы человека. С этим отношением к работам мичуринцев должно быть раз и навсегда покончено. Не перенося на человека механически все

конкретные достижения мичуринского направления, мы должны самым решительным образом учитывать и использовать его основные общепедагогические положения (о роли условий жизни в изменении самой наследственности живых тел, о значении обмена веществ в эволюции организмов, о формах с расшатанной наследственностью, о перестройке наследственности в результате скрещений и т. д.). Мы должны бороться с эклектизмом в своих работах, его немало и в моих прежних трудах. Признавая и учитывая, подобно многим другим советским антропологам, решающее значение окружающей среды и условий существования для формирования физических особенностей человека (в том числе и его расовых признаков), я пытался «примирить» эти установки с формально-генетическими концепциями, в частности, с учением о генетико-автоматических процессах, некритически воспринятым из трудов морганистов (Дубинина, Ромашова, Игнатъева и др.). Это привело к ошибкам в моих работах о депигментированных расовых типах Евразии, о дальтонизме и группах крови у коми, написанных и опубликованных еще в 1937 г. Сделаю все возможное, чтобы в дальнейших работах исправить допущенные мной ошибки и подойти к вопросу о механизме и факторах расообразования у человека с позиций исторического материализма.

В заключение должен сказать, что меня совершенно не удовлетворило выступление В. В. Бунака, который так и не ответил на самый основной вопрос нашей сегодняшней дискуссии: на вопрос о роли условий существования в изменении самой наследственной природы человеческого организма. Непонятно, каким образом В. В. Бунак мог провести какие-то параллели между окружающей человека природной и общественной средой и совершенно абстрактной, в действительности не существующей «генной средой». Ведь «генная среда», защищаемая В. В. Бунаком, представляет собой чистую фикцию, придуманную кейсманистами для согласования фактических данных, противоречащих их основным положениям, с «учением» о независимости зародышевого вещества от условий жизни. Несомненно, что нам предстоит еще очень большая, но плодотворная работа по вытряхиванию из антропологической науки всех этих «генных сред», «генетико-автоматических процессов», «факторов случайного выживания», и тому подобных принадлежностей идеалистического кейсманистско-морганистского «наследия». Надежным и острым орудием в этой работе будет служить мичуринское учение, творчески развиваемое и углубляемое академиком Т. Д. Лысенко.

М. Г. Левин, выступивший в порядке прений, отметил, что он согласен с основными высказываниями Н. Н. Чебоксарова. Хотя современные американские и английские этнографы не выступают со старых открывенными расистскими теориями, как выступали в свое время немецкие фашистские лжеученые, однако исторические и этнографические вопросы рассматриваются представителями американской «психологической» школы или английскими неофункционалистами с биологических позиций, которые в конечном счете всегда являются расистскими. Разоблачению этих реакционных концепций на страницах «Советской этнографии» уделялось несправедливо мало места. «Я,— сказал М. Г. Левин,— вдвойне несу за это ответственность — и как заместитель директора Института, и как заместитель редактора журнала. Большим нашим промахом является то, что до сих пор в журнале не был дан критический разбор вредной книги Давиденкова. Надо надеяться, что этот промах в ближайшее время будет исправлен. В докладе были справедливо подчеркнуты формально-генетические заблуждения в моей статье о пигмеях и ошибки, допущенные в оценке работ М. В. Игнатъева и других генетиков, в обзоре, написанном мной совместно с Я. Я. Рогинским. Но этим ошибки в моих работах не ограничиваются: можно найти в них и применение термина «генетико-автоматические процессы», и другую формально-генетическую терминологию, и эклектизм. Есть у нас еще один серьезный грех: правильно констатируя факты изменчивости расовых признаков во времени (например, брахикефализацию), мы останавливаемся на полпути и не даем объяснения этим фактам, не вскрываем их причин. А причины эти надо искать в изменении условий жизни, условий природной и общественной среды. Мысли Энгельса о роли условий жизни, в особенности обмена веществ, в процессе становления человека и расообразования разработаны нами очень слабо. Мало сделано и в области морфологии человека и прикладной антропологии. Осветить все эти сложные вопросы в одной статье, конечно, невозможно; им должна быть посвящена серия статей.

М. С. Плисецкий, выступая во второй раз, говорил о большом значении «Антропологического журнала», выходявшего в 1932—1937 гг., в перестройке антропологической науки в СССР на основе методологии марксизма-ленинизма и в борьбе с расистскими и евгеническими «теориями», как зарубежными, так и доморощенными. Он отметил, далее, что его, как и других присутствующих, не удовлетворило выступление В. В. Бунака. Советские антропологи вправе поставить ему вопрос, имеется ли у него искреннее стремление перестроиться, работать по-новому.

В. В. Бунак, выступая вторично, заявил: «Мне был поставлен вопрос о моей позиции в центральном вопросе дискуссии. Думаю, что, делая обзор своих работ, я изложил, каким образом на протяжении последних лет те позиции, которые были господствующими в 20-х годах и были мною, хотя и с оговорками, но разделяемы, постепенно видоизменялись в процессе моей работы. В настоящее время я не вижу никаких оснований возражать против положения о передаче приобретенных признаков потомству. Но вместе с тем, я придерживаюсь той позиции акад. Т. Д. Лысенко, что

эта передача приобретенных признаков не такая простая вещь. Если человек съест лишний килограмм сахара, это еще не значит, что у него изменится форма черепа или еще что-нибудь. Вопрос в том — когда, что и как изменится. В работах Т. Д. Лысенко на этот счет даны очень определенные указания: наследственные изменения происходят только тогда, когда воздействия внешней среды достигают половых клеток. Не буду защищать термин «генная среда»: он, действительно, мало удачен. Но все же должен сказать, что понятие о «генной среде» было отражением той мысли, что в передаче наследственных свойств определенную роль играют не только хромосомы и гены, но и плазма. Не думаю, чтобы в последних моих работах было что-нибудь, сильно противоречащее изложенному принципу».

Т. А. Трофимова в заключительном слове отметила положительное значение дискуссии, развернувшейся на заседании, в которой приняли участие почти все антропологи Москвы и Ленинграда. Несомненно, что обсуждение антропологических работ на широком собрании более плодотворно, чем их проработка в небольших разрозненных группах. Остановившись на ошибках, имеющихся в ее прежних работах, Т. А. Трофимова сказала: «Как известно, я работаю преимущественно по проблемам этногенеза, используя антропологический материал как исторический источник; и правильно говорил здесь В. П. Якимов, что целый ряд вопросов для меня, как и для некоторых других антропологов, слишком специальных, мною просто не затрагивается. Это вопросы о том, почему происходят брахицефализация, грацилизация. Я лишь принимаю это как факт, констатирую, что в одних группах этот процесс идет быстрее, в других — медленнее. В вопросе объяснения брахицефализации я в 1941 г. недостаточно продуманно солидаризировалась с генетической трактовкой, предлагаемой В. В. Бунаком. Но это лишь частность, а важно то, что все мы, и я в том числе, хestia и не писали о формальной генетике, о генах, но все-таки стояли на формально-генетических позициях. Тут сказывалась недостаточная увязка с теоретическими работами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которые мы осваивали и преломляли в аспектах, необходимых нам для разрешения вопросов антропо- и расогенеза. Мы хорошо осознали, что труд создал человека, но для нас еще далеко не ясно, как шел этот процесс. Формальная генетика довела над нами, и мы не осмеливались сделать решительный шаг и признать, что приобретенные признаки наследуются. Ознакомившись еще в 1941 г. с работами Мичурина, которые произвели на меня очень большое впечатление, я не уцела значения мичуринского учения о наследственности для антропологии. Вопрос о том, наследуются ли приобретенные признаки, казалось мне раньше, решают ботаники или зоологи, антропологам же надлежит подождать; пока этот вопрос будет разработан. Эта выжидательная позиция совершенно непростительна. Мы сумели в свое время освоить положения Н. Я. Марра и сделать выводы из его учения о языке для антропологии, а с учением Мичурина этого не получилось, и это большой наш промах».

Подводя итоги заседания, М. Г. Левин заявил: «Сегодняшнее обсуждение, несомненно, должно явиться вступлением к очень большой работе, стоящей перед антропологами. Вскрывая ошибки прошлого, мы делаем только первый шаг на пути разработки проблем антропологии с новых теоретических позиций. Это первая — критическая и необходимая часть, но это только начало того большого пути, который всем нам, антропологам, предстоит совместно проделать. Обращаясь к причинам того, почему мы, антропологи, допустили отмеченные сегодня ошибки в своих собственных работах, мы убеждаемся в своей недостаточной методологической вооруженности, недостаточном творческом освоении заветов Маркса и Энгельса, указаний Ленина и Сталина. Мы должны внимательно и творчески работать над произведениями классиков марксизма-ленинизма, постоянно помнить о необходимости поднимать свой теоретический уровень, — в этом залог того, что в будущем мы сумеем таких ошибок избежать!»

Н. Чебоксаров

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТ М. О. КОСВЕНА

26 и 27 октября на объединенном заседании редакции журнала «Советская этнография» и группы общей этнографии прошло обсуждение теоретических статей профессора М. О. Косвена, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1946—1948 гг.

Председательствующий С. П. Толстов в своем вступительном слове отметил, что за последний год в Институте стало обыкновением систематическое обсуждение работы секторов, отдельных работников и их печатной продукции. Так, с большой пользой для коллектива Института прошло обсуждение работы фольклорного сектора и его руководителя — профессора П. Г. Богатырева; в связи с итогами сессии Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук было проведено обсуждение антропологических работ при широком участии антропологов Москвы и Ленинграда. Настоящее заседание, сказал С. П. Толстов, имеет целью обсудить опубликованные в нашем журнале в 1946—1948 гг. теоретические статьи М. О. Косвена, посвященные общим проблемам этнографии. Часть из них («Авункулат», «Семейная община», «Бахофен и русская наука») вызвала возражения и критику как со стороны некоторых работников